

СОДЕРЖАНИЕ

Издатель и главный редактор приветствуют читателей 3

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ

А.-И. Марру. Воспитание в Древнем Риме	4
М. Эррен. «Георгики» Вергилия и политика Августа	9
А. И. Любжин. «Россиада» М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзия	28
Д. О. Торшилов. Родословные и мифы в «Перечне женщин» Гесиода	44
С. В. Житомирский. Константин Григорьевич Житомирский	58
В. В. Файер. К. Г. Житомирский и его «Латинская грамматика...»	58
В. И. Модестов. Отрывок из «Воспоминаний»	67

МУСИЧЕСКИЕ ЗАБАВЫ

А. И. Любжин. Переводы из латинской поэзии	73
Ю. А. Шичалин. Хор школьной драмы «Полиник»	78

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Файер. Лицейское и гимназическое образование, №3, 1998	81
М. Г. Лопатина, В. В. Файер. Гимназический курс А. В. Подосинова	83
М. В. Соболева. О дактилопиррихическом гекзаметре	95
Р. Е. Черненко. Катулл. Избранная лирика	100
Ю. А. Шичалин. Заметки о переводах Ареопагитского корпуса	103
Ю. А. Шичалин, А. В. Пахомова. «Врачу, исцелися сам...»	116

ХРОНИКА 119

Ю. А. Шичалин. Qui olim Deum timere... 123

Редколлегия 3-го выпуска:

А. И. Любжин (главный редактор)

О. Д. Никитинский

А. А. Россиус

В. Е. Сусленков (художественное оформление)

В. В. Файер (секретарь редакции)

Е. Ф. Шичалина

Ю. А. Шичалин (издатель)

А. И. Солопов (автор латинских суммариев)

Марина Владимировна Соболева

О дактилопиррихическом гекзаметре

РУССКИЙ ГЕКЗАМЕТР возник и развивался прежде всего — хотя, конечно, не исключительно — как размер переводов с греческого и латинского. В нашей заметке — не являющейся настоящим, основанным на статистике стиховедческим исследованием — пойдет речь об одном явлении, которое даже не вооруженным статистикой глазом нельзя не увидеть в стихе некоторых переводов последних лет. Это перевод Нонна, сделанный Юрием Голубцом, и перевод Катуллы, принадлежащий перу Максима Амелина¹. Насколько мы знаем, оба поэта-переводчика работали независимо друг от друга; это и дает нам право говорить о «тенденции развития», а не об индивидуальной вариации.

В традиционном русском гекзаметре, то есть шестистопном дактиле с женским окончанием, была одна основная «вольность»: можно было поставить между ударными слогами один безударный вместо двух. Традиционная недвусмысленная терминология называла это «заменой дактиля хореем». С другой стороны, как и в любом другом классическом размере, иногда можно было оставить безударный на месте ударного, если оно четко определено, т. е. до соседних ударных остается по два слога («замена дактиля трибрахией»). Эти «вольности» исключали друг друга. Голубец же и Амелин совместили их и стали ставить такой «безударный на месте ударного» за один слог от настоящего ударного, на том же самом слове. Формально они получили «замену дактиля пиррихией», а реально — вообще другой размер, нежели тот, которым писали Тредьяковский, Гнедич, Жуковский и другие. Поскольку перевод Нонна вышел раньше Катуллы и больше его по объему во много раз, мы предлагаем назвать этот размер *versus Golubetzianus*, голубециян (по аналогии с известными классикам *versus Reizianus* и *versus Wilamowitzianus*); время покажет, шутка это или нет. Во всяком случае, это уже не «дактилохорейческий», но «дактилопиррихический» шестистопник.

Фон, на котором происходит введение в гекзаметр пиррихия, — это рост числа хореев (который нужно, конечно, проверить подсчетами). Таким образом, и ударный слог каждого дактиля, и два его безударных мо-

¹ Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. Перевод Ю. А. Голубца. СПб., 1997; Катулл. Избранная лирика. Перевод и примечания Максима Амелина. СПб., 1997.

Рецензии

гут заменяться одним безударным в любой стопе, кроме последней, так что получается схема²:

| -- | -- | -- | -- | -- | --
—   —   —   —   —   —   —   —   —   —   —   —

Она нуждается в уточнениях: естественно, все указанные замены одновременно проведены быть не могут.

При «пиррихии вместо дактиля» вместо ожидаемых двух безударных слогов и одного ударного имеется только два безударных. Должен ли читатель — тот читатель, который не воспринимает это как метрическую ошибку, — при этом чувствовать на месте проглоченного ударного некую компенсирующую паузу («леймму») или, употребляя известное свойство русского стиха (на наш слух — злоупотребляя им), приравнять к ударному безударный, «доставлять» на нем ударение, или же делать нечто среднее между тем и другим? Или же в общей массе стихов перевода Нонна полновесных дактилей вообще недостаточно, чтобы вызвать соответствующее, «дактилическое» ритмическое ожидание? И на каком ритмическом ожидании держится тогда *versus Golubetzianus*?

Упомянутое «приравнивание» безударного к ударному в русских двусложных размерах не только проходит гладко и естественно, но и является, как известно стиховедам со времен Белого, важнейшей составляющей их музыкальности, их неповторимого интонационного строения. Значительно тяжеловесней, но все же проходит без особого труда для читателя такое «приравнивание» в размерах трехсложных — тогда, когда не уменьшено соответствующее ритмическому ожиданию число слогов и читателю просто некуда больше деться, кроме как засчитать один из них — строго определенный — как ударный, пусть он и не является таковым. Если дактилическая инерция в *versus Golubetzianus* все же присутствует и от читателя требуется попадание в «будто бы ударный» слог, то одновременно ему подставляется подножка произвольным уменьшением числа слогов — ведь до «лжеударного» остается то два слога, то один, так что попасть с первого раза не удастся. С какого раза удастся прочитать «гекзаметром» (в кавычках, потому что мы не уверены, что это в самом деле гекзаметр, если называть так стих Гнедича и Жуковского) следующую строку:

Дайте коснуться Протея многоликого, пусть он (I, 14; стр. 3),

или:

Обучил и уменью возделывать виноградник (XVII, 83; стр. 176),

или:

Видела Артемида, и царица охоты (XLVI, 222; стр. 449),

² Ударные слоги мы обозначаем вертикальной чертой, безударные — горизонтальной.

или, наконец:

Ассирийцу Адонису принесла она дочь (XLI, 156; стр. 401).

Трудность последнего стиха усугубляется тем, что переводчик отвергает «неправильные», т. е. традиционные русские ударения в греческих именах собственных и «восстанавливает настоящие»³; поэтому его «Адонис» имеет ударение на втором слоге. Но особенно долго мы читали строку:

Лебедь крылатый птица Аполлона, не лошадь (XXXVIII, 204; стр. 370)

Уловить, что «Аполлона» несет на себе два ударения через слог (как и его греческий оригинал при условном школьном скандировании), мешает еще и то, что перед ним надо опознать еще один односложный интервал вместо двусложного (как и в «Протее многоликом»). Решение двух «лже-спондеических» задачек одновременно настолько сбивало нас с толку, что казалось проще поставить в «птице» ударение на последнем слоге, и тогда дальше все получалось гладко, пока, дочитав до конца (и узнав, что мы заблуждались, полагая, что лебедь — это лошадь), мы не принимались за поиски недостающей последней стопы. Тогда приходилось возвращаться и начинать все с начала.

Особенно любопытны возникающие при допущении «пиррихийев» метрические двусмысленности. Можно найти много стихов вроде:

Так божество, промолвив, с сестрами удалилось (XII, 173; стр. 127).

Тот, кто попытается решить на материале нового перевода Нонна обычную задачку исследователей гекзаметра — определить частоту *versus spondaicus*, обнаружит, что это невозможно; является ли таковым приведенный только что стих? Если продолжать считать, что это гекзаметр, то ударение можно «доставить» и на «сэстрамй», и на «удалилось». Или следует равномерно «распределять» ударение по обоим слогам? Или мыслить некую паузу в словоразделе? Однако часто спорят друг с другом за право нести «ударение» слоги одного слова:

Собственную рукою убей, злосчастная мать (XLVI, 206; стр. 449)

Стараясь описать *versus Golubetzianus*, исходя не из гекзаметра, а из него самого, предварительно можно сделать это следующим образом.

Простая и неприкосновенная константа заканчивает строку и конституирует стих: предпоследний слог всегда ударен, последний всегда безударен. А как же вся предшествующая строка? В ней, отвечаем мы, должно набраться пять «арсисов» (нечеткость термина нам весьма удобна); что это такое? За «арсис» засчитывается или ударный слог, или любой безудар-

³ Правила передачи греческих имен в переводе Нонна — предмет отдельного разбора. Хочется только сказать, что, на наш слух, всякое их «приближение к греческому» не менее благозвучно, чем «Наполеон» через носовое «о» в русском разговоре.

Рецензии

ный, не соседний с ударным (а также два или три таких безударных). Больше пяти безударных подряд не бывает — ограничение, наложенное не столько размером, сколько средней длиной русского слова. Это значит, что «арсисы», выраженные безударными слогами, не могут идти друг за другом; а это накладывает ограничение на их число в стихе — формально их не может быть больше трех⁴, однако реально, как кажется, все-таки не бывает в переводе Нонна больше двух (а это и значит, что в стихе все-таки наличествуют как минимум четыре полноценных ударения, считая последнее). Чаще всего, если верить непроверенному впечатлению, «безударен» первый «арсис»: первый слог строки, как известно, во многих русских размерах свободней прочих и является почти «обоюдным».

Мы подчеркиваем то обстоятельство, что именно удаленность от ударного, даже минимальная, просто не-соседство с ним позволяет безударным слогам выполнять стихообразующую функцию «арсиса» в *versus Golubetzianus*. При этом, когда два слога равно удалены от ударных, невозможно решить (вероятно, и не нужно), какой именно из них это делает: в этом заключается наиболее интригующая, на наш взгляд, черта обсуждаемого размера.

Напротив, соседство с ударным — как и в традиционных размерах — может отнять эту стихообразующую функцию у другого ударного; например, в строке:

Царь безумный Пенфей, пал вниз головою на камни! (XLVI, 187; стр. 449) —

соседствующее с двумя ударными «пал» свое ударение теряет. На первый, не проверенный подсчетами, взгляд эта «вольность» (традиционно называемая «замена дактиля спондеем, антибакхией или кретиком») в переводе Нонна весьма редка, чего нельзя не одобрить — она сделала бы стих еще более трудным для восприятия. Вообще, если руководствоваться нашим (вполне субъективным) впечатлением, то сколько приманок обещает этот стих теоретику, столько же сулит испытаний читателю.

Нужно отметить, что переводчик Нонна все же не допускает двух «пиррихийев» в одном слове. У Максима же Амелина в переводе Каталла на одном слове через слог ставится не только по два «лжеударения»⁵, но и по три. Не доказывает ли редкость применения этой метрической фигуры, что сам переводчик все-таки осознает ее как не вполне позволительную?

Два бросившихся нам в глаза примера находятся в первой половине пентаметра, которую такое «трижды лжеударное» слово занимает целиком:

⁴ Например: «Вавилонянин Гипомедонт перекувырнулся».

⁵ Особенно часто, конечно, в начале стиха — так, самое хрестоматийное двустипхное веронца в его переводе начинается «Ненавидя, люблю». Восприняв эдакое в начале строчки, в ее конце читатель должен догадаться, что «может» вообще не несет ударения. Вторая строка, похоже, напечатана с опечаткой, вообще не позволяющей «вычислить» размер:

Ненавидя, люблю. Как такое творю, может, спросишь? —

Знать бы, что (??) творится со мной, чую — и муки терплю (с. 209).

Смѣшивающей | сладость и горечь забот (68, 18; стр. 195),

и в особенности:

Лаодамия | мужа вняла потеряв (68, 80; стр. 199).

О расшатанности первой стопы мы уже говорили. Кроме того, следует предположить, что пауза, отделяющая половины пентаметра, воспринимается автором как вполне компенсирующая недостающий слог и ударение; поэтому мы и обозначаем ее чертой. Но мы все-таки привыкли считать, что стихи — это то, что можно читать без дорожной разметки. К тому же, есть примеры и в гекзаметре:

Недостроенный, когда священная жертва (68, 75; стр. 199).

Мы опускаем как явно недостойное рассмотрения то обстоятельство, что по таким правилам «гексаметры» и «пентаметры» сочинять куда проще, чем по традиционным⁶; мы охотно допускаем, что в основе этой метрической реформы — как и любой другой успешной — лежит не уклонение от технических трудностей, но истинное вдохновение, ведущее не помнящих школьных правил поэтов к их усовершенствованию; мы надеемся, наконец, что наше впечатление, будто описанные нововведения противоречат естественному просодическому строю русского языка, неверно и вызвано ограниченностью.

Нас больше настораживает другое обстоятельство. Могло ли прийти в голову переводчикам Нонна и Катулла, поэтам с классическим образованием, ставить по два и по три «лжеударения» на одном слове, если бы они не учились делать этого с греческими и латинскими стихами — ведь именно так, насильно расставляя условные «ударения» и перечитывая раз за разом, пока не попадешь, читают стихи изучающие классические языки? Стоит ли делать это с русскими? Если *versus Golubetianus* все-таки не рождает собственного, отличного от гекзаметра ритмического ожидания, если все-таки нужно «доставлять ударения», мы имеем дело вовсе не с новым размером, а всего-навсего с расшатанным гекзаметром, расшатанным чрезмерно — в надежде на то, что русские стихи кто-то будет читать по учебной латинской методе. Не напоминает ли это систему Мелетия Смотрицкого, считавшего в славянском якобы долгие и якобы краткие слоги и слагавшего из них якобы стихи:

Сарматский новорастный Музы стопу первую⁷ — и так далее?

⁶ Во-первых, потому что они существенно свободней; во-вторых, они решают постоянно терзающую переводчика греческих гекзаметров проблему заполнения пустых стоп, остающихся в стихе, когда все слова уже переведены, — ведь в греческой гекзаметрической строке, особенно у Нонна, обычно меньше шести значимых слов, которые можно перевести несущими полноценное ударение русскими. Греческая гекзаметрическая строка сравнительно со средней длиной слова короче, чем традиционная русская «дактилохореическая», но равна по длине русской «дактилопиррихической».

⁷ Цитируется по «Письму о правилах российского стихотворства» М. В. Ломоносова (*Ломоносов М. В. Сочинения*. М.; Л., 1961. С. 263). «Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всякий видеть может, кто оный разумеет», — продолжает Ломоносов.